

Сеславия Северэлла

12+

ЗАМОК ИЗ ДОЖДЯ

Сеславия Северэлла

Замок из дождя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33336913

SelfPub; 2022

Аннотация

На улицах Санкт-Петербурга этот рассказ нашептал автору дождь. Когда-то, в начале 19 века, он наблюдал за жизнью баронессы Эльзы Левиной из любопытства, глядя на то, как она преодолевает уготованные ей испытания. У каждой женщина своя история, но не про каждую рассказывают капли дождя. У читателей есть возможность узнать, что может поведать этот немногословный сырой фантазер, когда у него есть желание стать рассказчиком

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

35

Сеславия Северэлла

Замок из дождя

Май 1828 года. Санкт-Петербург. Шел третий год правления императора Николая I. Война между Россией и Персией закончилась подписанием¹ Туркманчайского мирного договора. Но мир продлился недолго. И к апрелю назрел другой конфликт между Россией и Османской империей, который привел к новой войне, действия которой разворачивались вдали от столицы российской империи. В Санкт-Петербурге же жизнь текла своим чередом и дом баронессы Эльзы Львовны Левиной не был исключением. Слишком размеренная жизнь не тяготила её. Эльза посмотрела вокруг себя. Да, это её дом. Уютный, со вкусом обставленный, и все в нем пропитано теплом и грустью. В войне с французами погиб барон Левин, оставив на попечение жены их сына Евгения. С тех пор прошло шестнадцать лет. Она сидела подле прекрасного фортепиано, томно склонив голову. На нее грустно смотрел золоченный подсвечник. Ей шел тридцать шестой год, сыну – девятнадцатый. Женщина встала и прошла по залу, оправляя складки домашнего платья, и отражаясь зыбкой тенью в старинных вазах. Её узкая тонкая рука взяла со столика на смешных резных ножках приглашение на бал. И, все, как всегда. Все эти матушки со своими

¹ 10 февраля 1828 г.

дочками станут охать и ахать по разным пустякам, болтать о нарядах и женихах, о приданом, и о свежих сплетнях, а ей иногда так хотелось поговорить о серьезных вещах. Хотя, конечно, она немного лукавит, и возможно ей будет с кем обсудить новую историческую драму Проспера Мериме «Жакерия». Эльза любила читать, считая, что там, на бумажных страницах, можно ощутить совсем другую жизнь, так отличающуюся от её собственной планиды². Женщина еще раз окинула взглядом приглашение. А ведь когда-то давно, она так любила танцы, и каждое такое событие воспринималось ею, как большой праздник. А теперь? Где та прежняя девушка, которая с таким упоением когда-то ворвалась во взрослую жизнь? Где она? Эльза задумалась о сыне. Его ждет карьера военного, о которой так мечтал его отец барон Левин. Из пухлого мальчугана Женя быстро вырос в обаятельного юношу. Вырос без отца. Сын так похож на мужа, на её горячо любимого Сашу, но почему-то это вовсе не радовало Эльзу. Напротив, что-то в ней упорно сопротивлялось этому сходству, а ведь она так любила мужа. Но как давно! Первый любящий взгляд, пение дуэтом, прогулки по тихим аллеям, благословение отца, и кроткое «да» перед алтарем. А потом война³, где казалось, её Саша, выживший после Бородино, сможет вернуться к ней, но, увы. Он так нелепо погиб под Малым Ярославцем за день до сражения, нелепо, ненуж-

² Судьба, как правило, несчастливая

³ Отечественная война 1812 года

но. Эльза смахнула непрошеную слезу. Она пойдет на этот бал, и пусть все ахнут, увидев её новое платье, которое она сама сшила одинокими вечерами. Когда каждый шорох или скрип, воспринимается, как подарок, когда душно и хочется бежать или скакать во весь опор в неизвестность, где может быть иная жизнь.

– Подумать только какой-то боцман британского королевского флота Джеймс Уэдделл на бриге «Джен» и куттере «Бомфорт» достиг Огненной Земли, – громко говорил пожилой немного обрюзгший мужчина.

– Неравнодушны, вы Андрей Карлович, к Британии. А по мне, так наш Фаддей Фаддеевич⁴, да Михаил Петрович⁵ на шлюпах⁶ «Мирный» и «Восток» утерли нос вашему Джеймсу, – парировал граф Протасов, немного его, передразнивая, – не Британия, подданные русского императора обнаружили таинственный льдинный материк⁷.

– Николай Александрович, будем считать, что вы меня убедили. Тем более что я имел честь быть представленным лично Фаддею Фаддеевичу Беллинсгаузену, именно в ту пору, когда он уже получил чин капитан – командора, – улыбнулся довольный Шторх.

⁴ Беллинсгаузен Фаддей Фаддеевич (1778 г.-1852 г.) российский мореплаватель, адмирал

⁵ Лазарем Михаил Петрович (1788 г.– 1851 г.) крупнейший деятель военноморского флота России, выдающийся мореплаватель

⁶ Парусные боевые корабли

⁷ Антарктида, в качестве имени континента используется с 1890 г.

Этот диалог, как и десяток других, происходил в третий день приема, устроенного женским патриотическим обществом под председательством графини Екатерины Петровны Голенищевой-Кутузовой в доме графини Аделаиды Михайловны Хлюстиной с целью собрать средства для солдат, воюющих с турками. Многие уже вложили свою лепту в благородное дело, происходящее под патронажем самой императрицы. Сегодня на аукцион было выставлено две картины художников-баталистов, одна из которых Адольфа Ладюрнера «Битва при Матаро» была особо ценна для знатоков, некоторые из которых видели эту картину в парижском салоне⁸ еще четыре года назад. Все деньги от продажи должны были пойти на благотворительность. Эльза Львовна вошла в зал, где в самом разгаре шли торги, слишком стремительно для её положения в обществе. Она, конечно же, опоздала, но сделала вид, что это было не намеренно. Первый на кого обратила внимание женщина, был друг её мужа полковник Петр Сергеевич Панютин, который несколько месяцев назад получил должность обер-кригскомиссара⁹. С ним состязался граф Протасов и коллежский советник Денисов. Эти люди были всегда симпатичны ей, и женщина некоторое время наблюдала за азартом, сквозившим в их движениях и словах.

⁸ Регулярная экспозиция парижской Академии изящных искусств, начиная с 1667 года

⁹ Одна из должностей военного комиссариата в русской армии, который осуществлял снабжение войск обмундированием, обозным и лагерным снаряжением, оружием, деньгами на лошадей, управление госпиталями и др.

– Баронесса, мое почтение, – Эльза обернулась на противный голос. Перед ней, сияя лукавой улыбкой, стоял Томас Райт, британский модный гравер и живописец.

– Вы давно не баловали нас своим появлением. Так нельзя. Бал в доме у Василия Дмитриевича Олсуфьева без вас не бал.

– Вы, милостивый государь, что-то путаете. Разве Василий Дмитриевич не живет в своем родовом имении Ершово под Звенигородом? Он редкий гость в столице.

– Ах да, но возможно, на балу у Одоевского без вас было совсем невыносимо, – Райт слыл джентльменом, но его манера вести разговор, вызывала раздражение. Эльза сухо, из приличия, улыбнулась, понуждая себя вести обременительную беседу.

– Меня не было в Петербурге, – Левина хотела ещё что-то добавить, но в этот момент закончились торги, и Панютин немного расстроенный подошел к ней.

– Эльза Львовна, дорогая, обставил меня наш граф, и Ладюрнер теперь его.

Лицо Петра Сергеевича светилось теплом, может быть строгостью, но не чопорностью, что иногда характерно для военных. Райт, не желая мешать, поспешил откланяться. Это неуклюжая ретирада немного развеселило Эльзу. Её серые с голубыми вкраплениями глаза засияли задорными огоньками.

– Вы спасли меня от этого несносного человека, – в голосе

Эльзы прозвучала благодарность.

– Не будьте к нему столь жестоки, может он мечтает написать ваш портрет, – Панютин пытался быть галантным. Между тем многочисленные гости, сделав посильное пожертвование, расходились. Те же, кто остался, ожидали обеда и бала.

– Как Евгений? Не пишет? – продолжал разговор Панютин, иногда невольно засматриваясь на баронессу.

– Пишет. Его лейб-гвардии конно-егерский полк квартирует в Старой Руссе, – в голосе Эльзы прозвучали нотки материнской гордости за сына.

– Слышал, что вы продали одно из своих имений, и пожертвовали эти деньги для солдат, вдов и сирот, – Панютин внимательно посмотрел на Левину, возможно более пристально, чем полагалось для дружеской беседы. Но баронесса старалась не замечать этот настойчивый внимательный взгляд. А, впрочем, что за новость?! Разве она когда-нибудь его замечала. Петр Сергеевич был не дурен собой, на пару лет старше её, подтянутый, ладный, с приятными чертами лица, с красивыми усами, которые очень шли ему, но разве он мог сравниться с её мужем.

– Аделаида Михайловна сообщила? – недовольно поинтересовалась Эльза.

– Вы не должны так расстраиваться, в свете нет тайн. Да и что в том зазорного? – Петр Сергеевич старался произносить слова, как можно равнодушнее, борясь с очарованием

баронессы.

– Я сделала это не для того, чтобы было, о чем поговорить между вистом и покером, – Эльза раздраженно отвернулась от Панютина, и её взгляд упал на изящную юную лет восемнадцати летнюю красавицу с чудными рыжими с золотистым отливом волосами. Розовое платье подчеркивало все достоинства стройной фигуры. Рядом с ней стояла Елизавета Алексеевна Арсеньева.

– Кто это? – спросила Эльза у полковника, повернувшись к нему в пол оборота.

– Где? – уточнил полковник.

– Рядом с Арсеньевой.

– Это княжна Юлия Алаповская, – начал свои пояснения Петр, но осекся и вопросительно посмотрел на Левину, – да вы, сударыня, меня не слушаете вовсе!?

Эльза и правда не слушала. Она смотрела на юную Юлию и вспоминала свою юность, свои наивные мечты и надежды, которые разбились о рифы реальной жизни, оставив на память грусть. Но вскоре всех позвали к столу, и баронесса отвлеклась от своих воспоминаний. Обед прошел скучно, гости обсуждали войну с турками, ругали Хусейн-пашу, надеялись на фельдмаршала Витгенштейна¹⁰, спорили о боеспособности русской армии, вспоминали о французах и Наполеоне. Что касается Эльзы, она не внимала умным и про-

¹⁰ Граф Витгенштейн Петр Христианович (1768 г.-1843 г.) главнокомандующий русской армией в начале русско-турецкой войны (1828 г.– 1829 г.)

странным речам, её мало занимала политика, единственное, что точно знала баронесса – за каждую глупость важного чина, за их интриги солдат платит кровью, крестьянин – животом¹¹. А все остальное жестокое кичливое фрондерство¹². Настоящие же храбрецы и достойные люди никогда не прячутся в роскошных кабинетах, отстаивая интересы Отечества на боле битвы, например, таком, как Бородино, где погибли двое её родственников, и тысячи отважных русских воинов. Княжна же Юлия наоборот жадно вслушивалась в речи за столом. Наконец обед закончился, и можно было пройтись. Мужчины отправились искать удачи в картах. Их жены уселись обсуждать последние новости, а дочери устремились танцевать. Аделаида Михайловна поравнялась с Эльзой. Её круглое лицо говорило, что она милая женщина, но ужасная болтушка.

– Эльза Львовна, я жду вас завтра на закрытие. Будет итальянец, чудный тенор.

– Я приду, может быть, – Левина не знала, чего она захочет завтра.

– Вот и славненько, – Хлюстина улыбнулась.

А между тем, в другом зале начинались танцы. Шума наделал приезд поручика запасного эскадрона лейб-гвардии драгунского полка графа Павла Юрьевича Мелецкого, ко-

¹¹ В значении – жизнь

¹² Стремление противоречить кому-либо или чему-либо, выражать недовольство

торый в свои двадцать шесть лет покорял девичьи сердца особенной тайной, горящей огоньком на дне голубых выразительных глаз. Количество тайных романов, приписанных этому поручику, будоражило женские умы всего Санкт-Петербурга. И каждая такая взбудораженная дама или девица, считала своим долгом придумать дополнительные романтические подробности, передавая очередную сплетню. Число этих подробностей и сплетен было таково, что можно было подумать будто Павел Мелецкий это несколько человек, причем достаточно разных. Княжна Юлия, затаив дыхание, следила за молодым графом в тайной надежде на приглашение на танец. Эльза, заметив всеобщее замешательство, тоже вошла в зал, посмотреть на происходящее из любопытства. Зазвучала мазурка, и все женские взгляды в зале обратились на Мелецкого, желая знать, кого же он пригласит на этот раз. Баронессу не интересовал танец, и поэтому, оценив интригу, скептически глядя на молодого красавца поручика, и на всеобщее ожидание его выбора, она хотела уже уйти, но Павел опередил её.

– Окажите мне честь, баронесса, танцевать со мной мазурку, – голос графа звучал очень уверенно, или даже дерзко. Эльза обернулась и вопросительно посмотрела на Мелецкого. Недоумение и вопрос: «Как вы смее!» – вот её взгляд.

– Помилуйте, граф, – Эльза подбирала слова, борясь с возмущением. Строгий взгляд женщины старался напомнить поручику о приличии и благоразумии. А по залу пронесся

осуждающий шепот, чье-то тихое возмущение. Какой конфуз.

– Я не танцую, и уже уйду, – проговорила Эльза.

– Прошу прощения, баронесса, – Мелецкий с вызовом посмотрел в глаза Левиной, а затем обернулся на любопытствующие праздные взгляды готовых к возмущению людей. Какой дерзкий и необдуманный поступок, и готовая сплетня. Но ему хотелось их подразнить, всех собравшихся в этом зале, и потому он выбрал привлекательную женщину, старше себя по возрасту, чтобы обеспечить будущие скандальные подробности этой истории. Поручик был уверен, что в каждом доме обсудят, дополнят по своему вкусу сегодняшний конфуз. Павел делал это намеренно, но не из тщеславия или гордости, а из самонадеянности и самолюбования, полагая, что подобное поведение сродни храбрости на поле боя, и вызов замшелым суждениям великосветской публики. Тем временем Эльза, воспользовавшись тем, что поручик отвлекся от разговора с ней, ушла из зала, направившись к выходу. Остановилась она только у кареты. Как он посмел! У неё репутация порядочной женщины, а не какой-то кокетки. На балу, при всех, какой неожиданный конфуз. Баронесса, расстроенная медленно садилась в свою карету, не замечая морозящий майский дождик. Возмутительно. Этой публике только и падай повод посудачить, а теперь они не оставят от её репутации камня на камне, посчитав, что у них тайный роман. Карета тронулась, мимо проплывали хмурые улицы,

смятение не покидало баронессу. И Левина приняла спасительное решение, уехать в имение, подальше от сегодня родившейся сплетни.

Тем временем, хозяйка приема Аделаида Михайловна не знала, что и предпринять. Все гости позабыли о танцах, и принялись обсуждать происшедшее, иногда двусмысленно улыбаясь. Больше всех старались записные молодые красавицы, которых обидел выбор поручика. Ça craignait un peu là-bas¹³. Петр Сергеевич подошел к довольному Мелецкому, который стоял у окна и смотрел, как удаляется карета Левиной, казалось, не отдавая до конца отчета в происходящем.

– Граф, позвольте вас на два слова, – обратился к поручику Панютин. Павел обернулся, и смерил полковника довольным взглядом.

– Чем обязан, Петр Сергеевич?

– Что вы себе позволяете, – начал без предисловий Панютин, – как вы своим не позволительным поведением посмели скомпрометировать Эльзу Львовну!

– Приглашением на танец нельзя скомпрометировать? – парировал Мелецкий все еще наслаждался своей выходкой, и её последствиями.

– Вы бросили тень на репутацию весьма достойной женщины! – Панютин еле сдерживался, он был плохим дипломатом, и если бы позволяли обстоятельства, то вызвал бы дерзкого франта на дуэль. Но здесь ситуация была щекотли-

¹³ Там получился небольшой конфуз. фр.

вого свойства. И мужчина решил начать с предупреждения. А, Мелецкий ровно ничего не видел и не слышал, ему было все равно, что сам полковник Панютин перед ним. Павел неожиданно для себя, но с полным осознанием своей дерзости, чинно поклонился Петру Сергеевичу и ушел, вызвав еще большее недоумение. Каков! Только один человек в зале был сражен его поведением, которое снискало ему восхищение и симпатию. Это была княжна Юлия Алаповская.

Баронесса вернулась домой в расстроенных чувствах. Она направилась в кабинет мужа, срывая с себя перчатки, бросая на пол веер, и кольцо из рубинов, душившее её. По дороге Левина захватила с собой подсвечник с зажженными прислужгой свечами. Дверь перед Эльзой со скрипом отворилась, и её глаза в огне свечей различили массивный дубовый стол, такое же кресло, образ святого князя Александра Невского в углу, стопку книг на столе, тяжелые темные зеленые шторы, закрывавшие окно, и шкуру медведя на полу. Подсвечник в её руке дрожал, слезы непослушно застывали на щеках. Эльзе вспомнился муж, его задумчивый взгляд, сильные руки и ослепляющая улыбка. Что так встревожило её сердце? Этот поручик? Или его взгляд? Такой восторженный, дерзкий и заинтересованный. Он принес боль и острое чувство одиночества. Левина медленно опустилась в кресло. Расплавленный воск свечей капал ей на пальцы.

Приди в мой замок из дождя,
в котором нет уже меня,

лишь эхо бродит у ворот,
да замер сонный небосвод.
Где отпечаток моих глаз
остался в хрупких зеркалах,
где губ немое оправданье
безверья с верою свиданье.
Икона перед алтарем,
и то, что нам не быть вдвоем.

Память все возвращала и возвращала Эльзе взгляд Павла до тех пор, пока горечь не захлестнула беззащитную душу, и вскоре, в ней в полной мере ожила боль потери мужа. Как он посмел, так жестоко напомнить ей, что она давно уже одна. Эльза горько и безутешно заплакала.

Спустился два дня. Утром, слуга Тимофей доложил своей хозяйке баронессе Левиной, что некто граф Формер Леонтий Потапович просит принять его. Услышав странно знакомое имя, Эльза вздрогнула. Какое-то неприятное предчувствие тенью заползло в её сердце. Но Левина справившись с волнением, поспешила спуститься в гостиную. Она шла как можно медленнее, будто темп шагов мог что-то изменить. Гостиную украшали несколько букетов кислицы, резные мягкие стулья расположились подле стола вместе с тремя изящными китайскими вазами. Декоративные восьмигранные колонны в углах комнаты и между окнами, придавали некоторую строгость помещению, которая, впрочем, скрадывалась мягким светлым ковром на полу. Эльза вошла в комнату, и увидела

свой обеспокоенный взгляд в большом круглом зеркале.

– Баронесса, какая честь для меня, – эти слова произнес слегка металлический повизгивающий голос. Голос принадлежал пожилому мужчине, в глазах которого застыло несмыслимое презрение ко всему, что он видит. Эльза, с трудом выдержала церемонию приветствия.

– Что привело вас, граф, в мой дом? – спросила растерянно женщина.

– Я слышал, Эльза Львовна, от Томаса Райта о ваших непревзойденных познаниях в живописи, и любви к искусству. Осмелюсь, сударыня, предложить вам картину. Пустяк, право слово, но мне приятно сделать вам подарок.

– Подарок? – удивилась женщина. Эльзе представилась ядовитая змея, подаваемая графом Формером в миленькой корзиночке с бантиком. Формер подскочил к двери и от своего слуги принял небольшой в позолоченной раме портрет. Левиной показалось, что пол уплывает из-под ног. На неё с портрета смотрел красавец Павел Мелецкий. У баронессы похолодели руки. Леонтий Потапович кажется, что – то говорил. Или нет? Кланялся, странно улыбаясь? Она приняла портрет? Или Формер положил его на стол? Эльза очнулась от голоса Тимофея.

– Матушка, барыня, чай подавать?

– Да, – тихо проговорила она, глядя на лицо Павла, обнаружив портрет в своих руках. Для неё это было потрясением. Кто он такой, этот Леонтий Потапович? Эльза осмотрелась,

отложив портрет. Визит Формера лишил её покоя. Она пыталась вспомнить, где слышала это имя. Почему-то вспоминалось убийство герцога Беррийского, салон мадам Рекамье, и так называемые друзья истины. Раздумья женщины прервала, вошедшая подруга княгиня Муравлина. Она быстро вошла в дорожном коричневом платье, в котором её полная фигура смотрелась достаточно гармонично. Глаза княгини светились беспокойством, но в целом её черты лица говорили о том, что хозяйка очень заботливая и благородная женщина.

– Лиза, вели укладываться, – без приветствий заявила Ирина, – Евгений ранен. Мы едем к нему.

– О чем ты говоришь? Он же в Старой Руссе, – непонимающе возразила баронесса.

– Это ты так думаешь, – продолжала Ирина, снимая перчатки, – он уже месяц как в составе Дунайской армии¹⁴. Петра Сергеевича благодари. Он посодействовал его переводу в драгунский полк седьмого корпуса под начало самого Михаила Павловича¹⁵. Видите ли, настоящий мужчина должен понюхать пороха, увидеть врага лицом к лицу. Говорила я ему пощади Лизу, чурбан бесчувственный!

– Панютин? – Эльза все еще не верила. – Женя ранен? Но откуда тебе это известно?

¹⁴ Непосредственно участвовала в русско-турецкой войне (1828 г.-1829 г.)

¹⁵ Великий князь Михаил Павлович, младший сын императора Павла I (1798 г. – 1849 г.)

– Мой двоюродный брат известил меня об этом, он тоже служит в этом полку. Он написал, что они вошли в Бессарабию, переправились через Дунай и подошли к крепости Браилов.

– И где теперь мой сын? – произнесла баронесса, готовая расплакаться.

– Где?! В военном госпитале конечно. Его переправили из Бессарабии в Россию. Мой брат распорядился, и нас будут сопровождать.

– Мой бедный мальчик, мой юный герой, – Эльза немного пришла в себя, прижимая руки к груди. Муравлина грустно покачала головой, сочувствуя своей подруге.

Дорога есть дорога. Она всегда оставляет тебя наедине с самим собой. К ней можно стремиться, о ней можно мечтать или не любить, но её нельзя предсказать. Может в этом её прелесть? Эльза следила за мрачным горизонтом, который был виден из дорожной кареты. Путь её лежал в Таганрог в военный госпиталь, куда перевезли её сына. Вот уже неделю шел мелкий дождь. Не холодный, не теплый, он лишал жизнь чувства времени. Ирина читала вслух поэму «Дева озера» любимого ею Вальтера Скотта. Ощущалось особое вдохновение в голосе Муравлиной, заставляющее внимательно ловить каждое слово. Она старалась отвлечь подругу от грустных мыслей, дать ей надежду на лучшее. Но, Левина не слушала. Глухая боль тревожила сердце, любящее материнское сердце. Сын ранен. Её мальчик, её Эжени, непоседа и шалун.

Он всегда был достаточно ловким, великолепно фехтовал, любил лошадей, и в их имении не было никого, кто мог бы сравниться с его умением ладить с этим умными грациозными животными. Саша не увидел взрослого сына. А вдруг и она не увидит его больше? Страх. Он дурной советчик. Нет. Женя не может не дождаться свою маменьку. И она поспешит.

– Лиза! – голос Ирины прозвучал неожиданно. Эльза медленно повернул голову.

– Посмотри постоянный двор. Я проголодалась, да отдохнуть не мешало бы.

– Да. Конечно, – баронесса механически покачала головой в знак согласия.

Карета остановилась, и женщины вышли на улицу. Сопровождавший их поручик, тоже спешил. Он вез почту генерал – фельдмаршалу. Письма были частного свойства, судя по осторожному намеку курьера от жены Витгенштейна Антуанетты Станиславовны. Поэтому у поручика было время сопроводить женщин до военного госпиталя. Постоянный двор был невзрачным домом, который украшали три развесистые яблони, и огромный пень, с сидящим на нем рыжим котом. В это время подъехал ещё один дорожный экипаж, и из него вышла семейная пара. Муж, статный франт с мелкими чертами лица, и особой печатью задумчивости на нем, и жена совершенно очаровательной наружности в черном дорожном платье. Эльза и Ирина уже сидели за чистым сто-

лом, накрытым серой домотканой скатертью, а супруги только выбирали себе место.

– Эльза! – Ирина сняла шляпку, – давай остановимся здесь на ночь. Меня начинает укачивать.

– Хорошо, – Левина смотрела в окно на огромные капли дождя, на хмурое небо, и лицо сына мерещилось ей. Нет, она не корила Панютина, Женя и сам бы убежал в действующую армию. Петр Сергеевич всего лишь облегчил ему задачу. Чей-то громкий голос оборвал размышления баронессы. Он выговаривал хозяину за грязную скатерть на столе.

– Скатерть ему плоха, видно не с той ноги встал, – прокомментировала Муравлина, – какой привередливый человек.

Левина посмотрела на супругов, мысленно улыбнувшись нежности и приятности жены. Но тут она перевела взгляд на мужчину.

– Да что он о себе возомнил! – Ирина возмущалась от души, отвлекая себя от усталости. Мужчина перестал ругаться и посмотрел на Эльзу. Выражение его лица мгновенно изменилось, и потухший скучающий взгляд расцвел удивлением и настороженностью. Слуга поменял скатерть, заново расставляя приборы, мало обращая внимание на оцепенение барина. Муравлина изумленно покосилась на подругу, та спокойно смотрела в глаза незнакомца. Стол был усердно накрыт, и поэтому молчаливый диалог прервался. Левина обернулась на удивленное лицо подруги.

– Ты знаешь его?

– Нет, – спокойно ответила баронесса.

За окном царил дождь. Несмотря на ненастье, чувствовалось, что скоро наступит лето. Эльза и Ирина уже поднимались к себе на второй этаж в снятую на ночь комнату, когда их догнал все тот же незнакомец.

– Простите, моей жене стало плохо, нет ли у вас нюхательной соли? – проговорил он. Левина вытащила из сумочки флакон, и протянула незнакомцу.

– Видите ли, моя жена плохо переносит дорогу. Извините, я не представился. Помещик Вешняков Антон Трофимович.

– Поспешите к своей жене, – недовольно буркнула княгиня Муравлина. Вешняков как – то неуклюже поклонился, и скрылся из вида.

– Не нравится мне все это, Лиза, суетливый какой-то, вспыльчивый, а в целом непонятно что за человек.

– Полно тебе, какое нам дело до него, идем спать, – Левина тоже всем телом ощутила усталость. Да и постоянное беспокойство отнимало много сил. Чем ближе они подбирались к войне, тем чаще попадались им обозы с ранеными, с фуражом и провизией, уланы, драгуны, полковые священники, писари и адъютанты. Эльза забыла о дороге. Она вглядывалась в измученные лица людей, не осознанно ища сына. Ирина устала выговаривать подруге, что так нельзя. Что она в конец измотала себя, что не спит, что возится при случае с ранеными, и спрашивает встречающихся офицеров, ку-

да продвинулась русская армия.

– Наши форсировали Дунай, – повторяла Эльза Ирине, – уже наведен мост, третий корпус занимает Северную Добружу, хотя до Караса и Констанцы. А Женин корпус осаждает Браилов. На, что Муравлиной оставалось пожимать плечами, и помогать подруге. Но однажды рано утром, карета привезла Ирину и Эльзу в Таганрог к госпиталю. Сопровождающий женщин офицер, показал им одноэтажный особняк, неподалеку от строящегося нового каменного собора в честь Успения Пресвятой Богородицы. Левина перекрестилась, обращая внимание на то, что храм был подведен под главный купол, а старую деревянную церковь уже начали разбирать. Офицер попрощался с подругами, и поспешил выполнять своё задание. Зайдя в одноэтажное здание госпиталя, Эльза, с одобрением отметила, что там достаточно чистота и порядок. Когда она подошла к кровати сына, то чуть не разрыдалась. Его лицо показалось ей очень бледным. На груди красовалось бурое в перевязях пятно. Левина смахивала со щек, набежавшие слезы, рассматривая сына.

– Со мной все хорошо. Петр Сергеевич позаботился обо мне, как только узнал о моем ранении, – тихо повторял молодой барон Левин. Разговор был прерван шумом. Это привезли несколько новых раненых. В просторную комнату, где лежал Женя, вошел мужчина.

– Эльза Львовна!? Я не ожидал, что вы с Ириной так быстро доберетесь, – слышался знакомый голос.

– Петр Сергеевич? – Левина обернулась.

– Простите меня, я помог вашему сыну попасть на фронт, – полковник чувствовал себя неловко. Левина отошла от постели Жени и подошла к Панютину. Муравлина осталась стоять рядом с кроватью раненного Эжени.

– Почему, вы? Друг моего мужа, не сказали мне о том, что мой сын попросился на войну? – начала, возмущаясь Эльза.

– Я не считал себя вправе так поступить. Это дело чести, – отчеканил Панютин.

– Дело чести!? Видимо это из-за дела чести вы никогда не рассказывали мне, как погиб мой муж. И что эта за дуэль случилась на войне? – баронесса с укором смотрела на полковника.

– Вам не к чему знать подробности, – Петр Сергеевич всем своим видом показывал, что не желает это обсуждать. Мужчина был непреклонен, глядя спокойным взглядом на взволнованную женщину.

– Вот как! Отчего же вы полагаете, что жене не пристало знать о последних минутах жизни её мужа? – Левина злилась. Панютин промолчал, поглядывая на Женю.

– Извините меня, баронесса. Но у военных свои правила.

– Почему, Петр Сергеевич, судьба посылает вас в скорбную минуту к тем, кого я люблю? – почти ненавидя полковника, проговорила Эльза.

– Все будет хорошо, Эльза Львовна. Я привез разрешение, увезти Женю в ваше имение, чтобы продолжить его лечение.

Доктор говорит, что ранение не тяжелое. Он поправится, и довольно скоро. А теперь, если вы не возражаете, разрешите мне откланяться.

Эльза приняла бумаги, глядя, как Панютин склонил голову и пошел навстречу лекарю, и двум его помощникам, которые осматривали и размещали вновь привезенных раненных.

– Бездушный солдафон! Фельдфебель со шпигрутенами¹⁶! – прошипела баронесса, вытирая батистовым платком очередную струйку слез, наблюдая за тем, как лекарь и полковник что-то обсуждали в дальнем углу помещения.

А тем временем Павел Мелецкий, получив короткий отпуск, спешил в имение к матушке. За несколько дней, перед своим отъездом он зашел к своему знатному родственнику тайному советнику и весьма влиятельному лицу графу Нелединскому. Впрочем, это посещение было ему в тягость. Дядя Жорж, как называл его сам Паша, отчитал его за скандал на балу, за не позволительное поведение, не принимая во внимание никакие доводы. Он хотел помочь переводу Павла на фронт, но передумал. И вот, наконец, и свобода. Ею повеяло по дороге домой, когда показались пять дубов на холме, и пастухи, стерегушие там господское стадо. Все стало на свое место, будто и не было по-иному, словно вечность застывала каплями свежести на стеблях трав. Скрип колес брички те-

¹⁶ Металлический шомпол к дульнозарядному огнестрельному оружию, применяемый также для телесных наказаний

рялся в дали. Жаворонка глас говорил о начале лета, о жизни, и о возможности полета. Время стремилось к полудню. Любимый дом встретил Пашу поклонами яблонь и груш, лаем борзой и песнями дворовых с кухни. На веранду выбежала девочка подросток, лет двенадцати.

– Молодой барин! – воскликнула девочка, перестав подпевать. – Пелагея Павловна! Барыня! Сынок ваш приехал.

Барыня вышла как всегда, не спеша с достоинством высокогородной богатой все ещё очень красивой пятидесяти пятилетней дамы.

– Матушка! – Павел пал перед ней на колени, и целовал руки, пахнувшие розовым маслом.

– Явился. Почто не отписал, что будешь?

– Хотелось сделать тебе сюрприз.

– Внезапность, друг мой, хороша на войне, а не дома. Полно встань. Дунька! Поставь ещё один прибор.

Павел сел в любимое, плетеное кресло, к нему подбежал вислоухий щенок, и уткнулся в сапог.

– Раз ты приехал, – продолжала Пелагея Павловна, поедешь со мной в гости. Княгиня Ачинская Таисия Прохорова приглашает нас к своему куме на недельку, другую пожить. Может, оженю тебя непокорного.

– За что, маменька? – недовольно проговорил Мелецкий.

– Вчера принесли письмо от графа Нелединского. Он мне все отписал в великих подробностях. Сплетен о тебе ходит, хоть французские романы пиши. А теперь и вовсе, что уду-

мал. Младые девицы надоели, на честную вдову заглядываешься. Дерзок ты у меня, хоть и красив, – любящий взгляд матери стал суров и неумолим.

– И ты знаешь, кто она? – осторожно поинтересовался Павел.

– Да. У неё самой сын взрослый. Кстати, насколько мне известно, приглашена и княжна Юлия Алаповская. И я настаиваю. Слышишь. Настаиваю на том, чтобы ты был предельно любезен с ней.

– Как угодно, – Павел понимал, что спорить с матерью бесполезно.

– Да мне угодно. Отец твой, если бы был жив никогда не потерпел бы такого поведения. Он слыл человеком строгих правил, и геройски погиб на поле боя в войне с Наполеоном, – Пелагея Павловна села за стол, переводя разговор, – а теперь многое не так, измельчали людишки-то. Представляешь, третьего дня у нас в бане разобрали трубу, унесли вьюшку, рамку с дверцами и кочергу. Пришлось делать розыск.

Но Мелецкий уже не внимал матери. Его мало заботило предполагаемое мнение его погибшего отца, и то обстоятельство, что он стал персонажем очередной сплетни. Для него это был вызов, сродни атаке в бою, сможет он или нет подразнить этого монстра под названием великосветское общество. О том, что будет с репутацией баронессы Левиной, он не задумался ни на мгновение. Подумаешь, поговорят и забудут.

Баронесса одинока, слывет затворницей. Внимание такого, как он амурное приключение для неё и отрада. Что с ней станется? Хотя, конечно, она рассердилась, и кажется непроступной. Павел мысленно улыбнулся. Она не может не понимать, что запретный плод сладок, и потребуется смелось, чтобы дотянуться до такого плода. Интересно, куда делся его портрет? Такая странная кража из дома художника Райта. Портрет был уже почти написан. И Павел готов был заплатить за работу. Но тут случилось непонятное. Может это и не кража. Прохвост Райт продал видно картину какой-нибудь его тайной воздыхательнице. Павел поморщился. Ему вдруг захотелось, чтобы баронесса Левина, эта строптивая, но притягательная женщина владела этим художеством, которое Райт клятвенно обещал написать заново, как только у него будет время.

Июль 1828 года. Имение баронессы Левиной. Эльзе удалось в своем имении под Псковом выходить сына. Женя Левин активно поправлялся. Такое испытание не прошло для него даром, а послужило к его возмужанию. Она никого не подпускала к нему, доставалось даже лекарю, выписанному из Санкт-Петербурга. Мало спала, никуда не выезжала, и виделась только с Ириной подругой и соседкой. Княгиня Муравлина часто заезжала к ней с двумя дочерьми Верой и Анной. Вот и сейчас они все сидели в большом зале с настежь распахнутыми окнами. А семнадцатилетняя Анна играла на стареньком фортепиано. Евгений довольный

расположился в кресле, укрытый пледом, и гладил котенка. Пятнадцатилетняя Вера уплетала пахучие пирожки с чаем. Между тем Муравлина с радостью замечала, что подруга наконец-то успокоилась и повеселела.

— Коль скоро Женя вполне здоров, приезжайте завтра к нам. Я пригласила к себе гостей и даю по этому поводу прием. Надо же нашу молодежь немного развлечь.

— И кто будет? — спросил Женя.

— Княгиня Ачинская с мужем и сыном, княжна Юлия Алаповская с бабушкой, несколько соседей помещиков с семьями, граф Елизаров приедет, и не обижайся, Лиза, я написала Панютину, и мой слуга отвез приглашение ему. Пусть немного отдохнет от войны, раз он находится в Старой Руссе по казенной надобности. Надеюсь, он прибудет завтра. Во всяком случае, он передал моему слуге на словах, что принимает мое приглашение, и имеет возможность немного погостить у меня.

Когда-то давно баронесса была в доме матери Петра Сергеевича в Старой Руссе, и знала, что полковник любил там бывать насколько можно чаще, особенно когда казенные дела давали ему эту возможность. Но сейчас Эльза пропустила слова Ирины мимо ушей, она уставшая и довольная, и ей было все равно, пусть хоть дюжина Панютиных ждут её впереди. Самое главное свершилось, сын жив и вполне здоров, а все остальное неважно. Баронесса не была злопамятной, и потому обида и разговор, состоявшийся в госпитале в Таган-

роге, стал ею понемногу забываться.

В назначенный день дом Муравлиных был готов принять гостей, хотя он и без того славился на всю округу своею роскошью, и изысканностью. День выдался знойный, но хозяйка, несмотря ни на что, беспрестанно хлопотала, чтобы все получилось наилучшим образом. Князь Павел Федорович Муравлин находился вот уже год за границей по казенной надобности, но регулярно слал своей жене письма и подарки. Один из них и привез граф Роман Данилович Елизаров, светлый улыбчивый мужчина сорока лет. Эта была изящная фарфоровая статуэтка. Вера, схватив её, носилась по комнатам, никому, не показывая отцовский подарок. Все окна были распахнуты, и на веранде накрывали стол. А Ирина, стоя у окна, следила, как съезжаются гости. Зал в доме Муравлиных заставлял вспомнить об античном мире, как только взгляд падал на лепной потолок и канделябры с позолоченными нимфами. Несколько выписанных из столицы музыкантов настраивали инструменты, но им упорно мешала Анна, игравшая шутиливую мелодию на старой испанской гитаре отца. По дому веяло запахом кулебяки, пирогов, стерляжьей ухи, и жареной утки. Первыми приехали Ачинские и Алаповская с бабушкой, за ними Мелецкие. И дом оживился, загалдел разговорами и смехом. Затем приехавшие семьи соседей помещиков добавили человеческого шума. Когда к дому Муравлиных подъехала красивая рессорная бричка, из неё вышел Панютин, и осмотрелся. Первое, что он увидел у

входа в дом, ведущих беседу Юлию и Веру. Поручик Мелецкий стоял поодаль, опиравшись на массивный ствол березы, молча наблюдая за тем, как съезжаются гости. Петр решил не поминать старого, и направился на веранду, к графу Елизарову, декламирующему всем новую элегию Языкова¹⁷.

– Не улетай, не улетай, Живой мечты очарованье! Ты возвратило сердцу рай – Минувших дней воспоминанье, – стихотворные строки радовали слух присутствующих. Пока вечер складывался удачно. Ирина довольно поправляла прическу, однако, отчего же не едет Лиза. Хозяйка дома начинала беспокоиться за подругу. Юлия, по возможности, исподволь смотрела на Павла, пока вела светскую беседу с Верой. Она чувствовала в этом человеке натуру, которая была очень ей созвучна. И это завораживало юную особу, притягивало и манило, давая пищу для дерзких желаний. Одним словом, каждый нашел себе праздное занятие по душе. Наконец приехали Левины. Первым перед гостями предстал бодрый возмужавший Евгений в драгунском мундире, за ним не спеша, следовала Эльза в прекрасном светлом атласном платье, затканном цветами.

– Ну, вот и чудно, – проговорила воодушевленная Ирина Михайловна, – а теперь, господа, пожалуйста за стол. Анна, зови свою сестру, Юлию и Павла.

Павел вошел последний на веранду, где все уже сидели за столом. Он помог сесть на стул княжне Юлии, а сам незамет-

¹⁷ Николая Михайлович Языков (1803 г.-1847 г.) – русский поэт

но вглядывался в лица гостей. И тут он понял, что полковник Панютин наблюдает за ним. Мелецкий несколько замешкался, и неуклюже плюхнулся на стул подле княжны Алаповской. Пелагея Павловна неодобрительно постучала ручкой ложки по столу. Атмосфера была немного напряженная, но запахи вкусных блюд, заставили гостей побыстрее начать трапезу, и обычные разговоры.

– Петр Сергеевич, говорят фельдмаршал Витгенштейн¹⁸ в немилости у Дибича¹⁹. Всем известно, что Иван Иванович пользуется неограниченным доверием нашего императора. И успешно руководит военными действиями, – начал один из приглашенных помещиков.

– Крайне опасная не милость, – поддержал разговор князь Ачинский, – генерал Дибич у нас любимец императора.

– Не стоит обсуждать слухи. Война всегда сложнее разговоров за обедом, – вступил в разговор полковник Панютин.

– Помилуйте, ну как же без слухов. Ведь дыма без огня не бывает. Говорят, переправу через Прут у Скулян с треском провалил Заводовский, – продолжал Ачинский, – и наши доблестные войны вынуждены были мостить гать в пять верст у Сатунова, чтобы исправить положение.

¹⁸ Граф Пётр Христианович Витгенштейн – главнокомандующий русской армии в начале русско – турецкой войны (1828 г.-1829 г.)

¹⁹ Граф Иван Иванович Дибич-Забалканский – доверенное лицо императора Николая I, в начале 1829 г. назначен главнокомандующим русской армии в русско – турецкой войне (1828 г. -1829 г.)

– Иван Иванович Заводовский²⁰ храбрый и опытный воин, а то, что он упустил время не его вина, – прокомментировал полковник Панютин, – одно то, как его флотилия, войдя в Мачинский рукав Дуная на расстояние картечного выстрела, уничтожила османов и захватила двенадцать судов, достойно государевой похвалы, и воинской славы.

– А, вы, что молчите, наш юный герой? – обратился к Евгению князь Ачинский.

– Война не тема для разговора за столом, – произнес Женья, пытаясь походить на Панютина, который ему всегда нравился.

– Браво, барон, вы утерли нос всем нам. Однако, следует ли расценивать ваши слова, как не желание говорить о судьбоносных событиях для нашей Державы? – парировал князь Ачинский.

– Полно тебе, – примиряюще проговорила Таисия Прохорова. Но князя было не остановить.

– Нет, я хочу знать, чем живут наши молодые умы.

– Вы жаждете, князь, – вмешался Павел, – за стерляжьей ухой поболтать о планах и исторических действиях. Не кажется ли вам, что подобный разговор уместен в императорском кабинете в час, когда народ ждет высочайшего решения. Пустая болтовня от скуки делает умы праздными и готовыми к бездумному осуждению. От того и терпим мы неудачи в го-

²⁰ Иван Иванович Заводовский (1780 г. -1837 г.) – русский контр-адмирал с 1828 г., кругосветный путешественник

дины войн, что пустые рассуждения переходят из-за поместных столов в кабинеты тех, кто должен принимать твердые и разумные решения, а вместо того досужие домыслы несведущих людей мешают простым и оправданным действиям, которых требует воинский долг и доблесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.